Годъ Сороковой

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости.

№ 24-25.

23 Іюня 1902 года. Воскресенье.

Подписная цѣна съ пересылкою 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣд. за прошедшіе годы по 5 коп., а за 1897, 1898, 1899 г., 1900 и 1901 г. по 10 к. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
„ два раза 15 „
„ три раза 20 „

СОДЕРЖАНІЕ № 24—25.

Мѣстныя распоряженія.

— 8 іюня на должность столоначальника Литовской консисторіи, по случаю перемѣщенія на службу въ гражданское вѣдомство, исполнявшаго обязанности столоначальника Пугачевскаго, назначенъ канцелярскій чиновникъ Виленскаго Губернскаго Правлеаія коллежскій секретарь *Евстафій Осиповъ Марциновскій*.

— 8 іюня на вакантное мѣсто псаломщика при Маньковичской церкви, Вилейскаго уѣзда, назначенъ учитель Поневѣжской церковно-приходской школы *Владиміръ Макаревичъ*.

— 10 іюня на вакантное мѣсто псаломщика при Яршевичской церкви, Вилейскаго уѣзда, назначенъ испр. должность окончившій курсъ Виленской псаломщицко-пѣвческой школы сынъ крест. Гродненской губ. *Антонъ Ивановъ Сѣдачъ*.

— 11 іюня священникъ Леонпольской церкви, Дисненскаго уѣзда, *Іоаннъ Аѳонскій* перемѣщенъ на вакантное священническое мѣсто въ с. Плиссу, того же уѣзда.

— 15 іюня протоіерей Поневѣжской церкви *Петръ Омельяновичъ*, согласно прошенію, уволенъ отъ должности Вилкомірскаго благочиннаго, а на таковую назначенъ священникъ Вилкомірской соборной церкви *Павелъ Левиковъ*, помощникомъ же благочиннаго, на мѣсто сего послѣдняго, назначенъ священникъ Роговской церкви *Константинъ Маевскій*.

— 15 іюня священникъ Оникштанской церкви, Вилкомірскаго уѣзда, *Іаковъ Будниковъ* перемѣщенъ, для пользы службы, къ Порѣчской церкви, Дисненскаго уѣзда.

— 18 іюня священникъ Залѣсской церкви, Дисненскаго уѣзда, *Аѳанасій Дорошевскій* перемѣщенъ къ Михаловщизнянской церкви, Ошмянскаго уѣзда.

Мѣстныя извѣстія.

МАРШРУТЪ

поѣздки Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Ювеналія, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго по Лидскому уѣзду Виленской губерніи.

30 Іюня Воскресеніе. Выѣздъ изъ Вильны съ почтовымъ поѣздомъ Полѣсскихъ жел. дор. № 3 въ 2 ч. 10 м. по полудни на ст. *Нѣманъ*. Отсюда въ с. *Бѣлицу*. Осмотръ церкви. Ночлегъ.

1 Іюля Понедѣльникъ. Выѣздъ изъ с. *Бѣлицы* въ с. *Збляны*. Осмотръ церкви. Отсюда въ с. *Голдово*. Осмотръ церкви. Ночлегъ.

2 Іюля Вторникъ. Выѣздъ изъ с. *Голдова* въ с.

Дикушки. Осмотръ церкви. Отсюда въ м. *Щучинъ*. Осмотръ церкви. Ночлегъ.

3 Іюля Среда. Выѣздъ изъ м. *Щучинъ* въ с. *Маломожейковъ*. Осмотръ церкви. Ночлегъ.

4 Іюля Четвергъ. Выѣздъ изъ с. *Маломожейкова* въ с. *Лебеду*. Отсюда въ с. *Радивонишки*. Осмотръ церкви. Ночлегъ.

5 Іюля Пятница. Выѣздъ изъ с. *Радивонишки* въ с. *Мыто*. Осмотръ церкви. Отсюда въ г. *Лиду*. Осмотръ церкви. Ночлегъ.

6 Іюля Суббота. Выѣздъ изъ г. *Лиды* обратно въ *Вильну* съ почтовымъ поѣздомъ, прибывающимъ въ Вильну въ 3 ч. 52 м. по полудни.

А) ВАКАНТНЫ МѢСТА СВЯЩЕННИКОВЪ—

Вилкомірскаго — въ м. Оникштахъ (1).
Дисненскаго — с. Залѣсьѣ (1).
„ — с. Леонполѣ. (1).

Неоффиціальный отдѣлъ.

Смыслъ и значеніе общецерковныхъ моленій, выражающихся главнымъ образомъ въ крестныхъ ходахъ,

Что такое крестный ходъ и съ какими мыслями и чувствованіями должны мы совершать крестные ходы и чувствовать въ ихъ?

Переносясь мыслію въ отдаленныя времена древности іудейской, мы видимъ, что у іудеевъ было торжественное исхожденіе изъ храма Іерусалимскаго къ купели Силоамской въ послѣдній день праздника кущей, когда священники почерпали воду изъ этой купели, несли ее во внутренній дворъ храма и тамъ вмѣстѣ съ виномъ возливали на жертвенникъ въ знаменіе того, что придетъ такое время, когда всѣ люди будутъ очищены отъ грѣховъ честною кровію Спасителя въ благодатной водѣ крещенія. Самъ Іисусъ Христосъ бывалъ въ Іерусалимѣ на праздникѣ кущей и вѣроятно принималъ участіе въ этомъ торжественномъ ходѣ къ купели Силоамской. Тысячи, десятки и сотни тысячъ людей, всѣ жители Іерусалима и пришельцы на праздникъ изъ другихъ мѣстъ точно также принимали участіе въ этомъ ходѣ; поэтому-то день этотъ и былъ самымъ торжественнымъ днемъ праздника. Религіозный восторгъ двигалъ сердца людей въ это время, и они всѣ отъ мала до велика въ этотъ день спѣшили къ храму и источнику Силоамскому. Такъ это было въ древнемъ Іерусалимѣ.

Неудивительно послѣ сего, что для первенствующихъ христіанъ, перешедшихъ отъ *тьмы* язычества и *сѣни* іудейства въ чудный свѣтъ вѣры Христовой торжественныя религіозныя шествія составили необходимую потребность ихъ религіознаго духа и были благотворны по своимъ послѣдствіямъ. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, лучше привлечемъ мы на себя милосердный взоръ Царя Небеснаго, какъ не общецерковнымъ соборнымъ моленіемъ цѣлаго града или веси во время крестныхъ ходовъ? Столько преподобныхъ рукъ воздѣвается къ небу; столько умиленныхъ гласовъ возносится къ живущему на небеси, столько сердецъ жаждетъ благословенія и благодати Божіей—неужели же Господь не приметъ благодареній и не услышитъ моленій избранныхъ Своихъ, вопіющихъ къ Нему? Вотъ почему въ Церкви Христовой, какъ только вѣра христіанская была объявлена господствующею и прекратились времена жестокихъ гоненій на христіанъ, литаніи, крестные ходы или вообще священно-соборныя шествія внѣ храмовъ, по разнымъ случаямъ стали въ постоянномъ употребленіи. Первенствующіе христіане совершали такія хожденія то по случаю общественныхъ радостей, напр., по случаю перенесенія св. мощей или по случаю освященія храмовъ; то въ общественныхъ бѣдствіяхъ, каковы засухи и гладъ смертоносная язва, огонь, градъ, нашествіе враговъ, усиленіе ересей и расколовъ. О, какъ это все хорошо и достойно Церкви Христовой, радующейся съ радующимися и плачущей съ плачущими! И какое тутъ проявлялось усердіе къ вѣрѣ въ сердцахъ христіанъ! Какой религіозный восторгъ одушевлялъ всѣхъ! Тысячи людей шли за св. иконами, тысячи людей молились по пути торжественнаго шествія, тысячи сердецъ пламенѣли радостію духовною о совершающемся торжествѣ или проникались печалію и сокрушеніемъ о своихъ грѣхахъ или о *людскихъ невѣжествіяхъ*; тысячи людей въ это время съ глубокимъ чувствомъ воспѣвали многократно краткую молитвенную пѣснь: „Господи помилуй“! Сколько и чудесныхъ исцѣленій совершалось въ это время; отъ сколькихъ, и бѣдъ, и скорбей избавлялись христіане по совершеніи крестныхъ ходовъ! Не было бѣды и скорби общественной, не было болѣзни, отъ которыхъ бы не получилось избавленіе тѣхъ, кто съ вѣрою, смиреніемъ и слезами въ эту пору обращался къ помощи Божіей. Такъ это было въ древнія времена; такъ это есть еще и донынѣ во многихъ градахъ и весяхъ православныхъ. Но такъ ли это у насъ, въ нашемъ краѣ, во время крестныхъ ходовъ?

Грустно и печально, до глубины души прискорбно бываетъ смотрѣть, какъ иногда служители Божіи идутъ въ крестныхъ ходахъ почти одни съ немногими усердствующими, которыхъ такъ немного, что некому нести св. иконъ. Но эти тяжелыя чувствованія души еще болѣе усиливаются, когда по пу-

ти встрѣчаешь людей, которые откуда ни попало смотрятъ на крестный ходъ безъ должнаго благовѣнія, ни разу даже не перекрестившись, когда видишь суетню праздныхъ людей, на лицахъ которыхъ нельзя уловить ни малѣйшаго луча свѣта и божественной надежды, когда слышишь смѣхъ и шумъ идущихъ по разнымъ направленіямъ, останавливающихся лишь на нѣсколько минутъ ради празднаго любопытства. Невольно всякій разъ при этомъ приходитъ на мысль: зачѣмъ совершаются въ такомъ случаѣ крестные ходы, лучше ли бы было совсѣмъ ихъ прекратить, если православные не внимательны къ нимъ? Да, можетъ быть, это и такъ. Но приходитъ на мысль и то, знаютъ ли православные, что такое крестный ходъ, и понимаютъ ли его значеніе?

Что такое крестный ходъ? Крестный ходъ, въ смыслѣ общественнаго моленія, есть дѣло высокаго христіанскаго благочестія и плодъ дѣйствія въ сердцахъ нашихъ вѣры Христовой. Сила этой вѣры, единая въ себѣ, необыкновенно разнообразна по своимъ проявленіямъ. Отъ сокровенной молитвы потаеннаго сердца человѣка въ запертой храминѣ она расширается до богослуженій соборныхъ въ обширнѣйшихъ храмахъ. Но и этого недостаточно для вѣры въ Бога, *Ему же не довлѣетъ небо и небо небесе;* вѣра хочетъ подъ открытымъ небомъ чтить Господа и Спасителя, хочетъ умолять въ нерукотворномъ храмѣ природы Творца природы, всего видимаго и невидимаго. Такой образъ богопочтенія соотвѣтствуетъ и назначенію Церкви Православно-каѳолической. Тотъ, кто хочетъ ограничивать богопочтеніе лишь уединенною молитвою, высказываетъ совершенный недостатокъ пониманія нашей вѣры и жизни. Господь сказалъ: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ.* Онъ собралъ насъ въ единую, соборную Церковь, даровавъ ей пастырей и учителей, *да вси едино будутъ о Немъ* и, руководимые вождями церковными, возрастаютъ въ полную мѣру возраста Его. Посему, когда идетъ крестный ходъ, т. е. когда идетъ освященный соборъ благовѣйныхъ іереевъ, честныхъ діаконовъ и низшихъ церковниковъ съ церковною святынею, то возглашая пѣсни торжественно-хвалебныя о благодѣяніяхъ полученныхъ, то вознося пѣснопѣнія и молитвы сокрушенно покаянныя о предотвращеніи гнѣва Божія; когда въ этихъ молитвахъ участвуетъ многочисленный сонмъ вѣрующихъ всѣхъ возрастовъ, званій и состояній,—тогда вы видите предъ собою какъ бы умаленный, хотя ясный и выразительный, образъ Православно-каѳолической Церкви. Пусть же всякій вѣрующій присоединяется къ крестному ходу, какъ живой членъ къ тѣлу Церкви Христовой, и возгрѣваетъ здѣсь даръ Духа Божія, въ немъ возженный, но имѣющій непремѣнно угаснуть съ утратою разумѣнія и чувства вѣры и жизни православной.

Что такое крестный ходъ? Крестный ходъ есть торжество нашей Православной вѣры, свидѣтельство о побѣдѣ ея надъ неправовѣріемъ и невѣріемъ и радость христіанъ по этому случаю. Это есть торжественное всенародное прославленіе имени Божія и Его святыхъ предъ всѣми невѣрующими и неправовѣрующими. Но какое можетъ быть прославленіе имени Божія и Его святыхъ угодниковъ тамъ, гдѣ ходы совершаются не такъ, какъ они совершались въ древности и какъ должны бы были совершаться и нынѣ по мысли и желанію Православной Церкви? Это есть униженіе нашей религіи, обличеніе нашего религіознаго равнодушія, неуваженіе къ обрядамъ Церкви, невниманіе и къ самимъ себѣ и къ своимъ нуждамъ, а не торжество Православной вѣры. Зачѣмъ же позволять это у насъ именно, когда живущіе среди насъ невѣрующіе и неправовѣрующіе нашими дѣлами вѣры могли бы подвинуться сами на прославленіе нашего исповѣданія вѣры, какъ это и бывало въ древней Церкви, когда крестные ходы совершались съ надлежащимъ къ нимъ приготовленіемъ и съ надлежащею торжественностью и съ полнымъ усердіемъ? Крестный ходъ есть живое изображеніе нашей Православно-каѳолической Церкви, но еще воинствующей, мужественно идущей къ отечеству небесному. Воинство земное старается дѣйствовать противъ враговъ своихъ стройными и плотно сомкнутыми рядами, подъ начальствомъ опытныхъ вождей, и только тогда побѣда бываетъ несомнѣнна, когда всякій смотритъ на своего ближняго, какъ на соратника. Воинъ, отдѣляющійся отъ строя, есть вѣрная добыча врага, какъ и овца, оставляющая стадо, есть несомнѣнная жертва хищныхъ звѣрей.

Что такое крестный ходъ? Это есть торжественное воспоминаніе шествія Самого Спасителя нашего на проповѣдь евангелія; это есть воспоминаніе хожденія Его съ проповѣдію по городамъ и селеніямъ іудейскимъ и галилейскимъ. А что было тогда? Тысячи людей встрѣчали и сопровождали Его; тысячи людей съ величайшимъ усердіемъ, съ духовною алчбою и жаждою слушали Его ученіе; всѣ больные, несчастные и печальные тѣснились около Него и получали отъ Него исцѣленіе и облегченіе своей скорби. Одно только прикосновеніе къ Его одеждѣ или возложеніе Его руки, или одно слово Его совершало чудеса. То же было бы теперь, во время крестныхъ ходовъ, если бы мы были къ нимъ внимательны. Кто не слыхалъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершившихся въ г. Черниговѣ при открытіи св. мощей святителя Ѳеодосія и перенесеніи ихъ съ крестнымъ ходомъ изъ теплаго соборнаго храма въ холодный?

Что такое крестный ходъ? Это есть воспомина-

ніе крестнаго пути Самаго Спасителя нашего на Голгофу для совершенія тамъ дѣла нашего спасенія; это есть напоминаніе намъ о томъ, какою дорогою цѣною куплены мы, какія страданія претерпѣлъ за насъ Спаситель нашъ; это есть напоминаніе намъ о словахъ Спасителя, сказанныхъ Имъ женщинамъ Іерусалимскимъ: „плачьте не обо Мнѣ, а о себѣ и дѣтяхъ вашихъ". А мы что же, какъ относимся къ этому напоминанію? Мы и думать о немъ не хотимъ. Мы, говоря вообще, не расположены ни быть членами Церкви воинствующей, ни радоваться съ радующимся, ни плакать съ плачущими. Мы мертвые члены живаго тѣла, сухія вѣтви на зеленѣющемъ деревѣ, безжизненные атомы, оторвавшіеся отъ гармонической жизни міра.

Но будемъ безпристрастны. Не всякій, кто принимаетъ участіе въ крестномъ ходѣ уже по этому самому есть членъ Церкви Христовой. Чтобы участіе въ крестномъ ходѣ было спасительно, для сего мы должны приходить сюда не изъ празднаго любопытства, а именно какъ живые члены Церкви, т. е. сознательно участвующіе въ ея молитвахъ, прошеніяхъ и благодареніяхъ. Во всякомъ живомъ дѣлѣ, какъ и въ живомъ организмѣ,—разсуждаетъ одинъ пастырь*),—есть прежде всего скелетъ дѣла, его механическое основаніе, а затѣмъ душа, оживляющая и приводящая въ движеніе инертную механическую массу. Соотвѣтственно сему, въ крестномъ ходѣ скелетомъ являются молитвословія и пѣснопѣнія, положенныя на тотъ или другой случай, а душа, естественно, должна заключаться въ томъ *сознательномъ* настроеніи молящихся, которое есть главное условіе для животворности каждой молитвы, а затѣмъ болѣе общецерковной. Здѣсь главное не въ томъ, чтобы *каждый* молился, благодарилъ или просилъ о своей нуждѣ, о своемъ благѣ, а чтобы всѣ молились объ *общей* нуждѣ, объ *общемъ* благѣ, *всѣ* объединились въ *одномъ* общемъ чувствѣ, сознавая свою солидарность и органическую связь между собою, какъ *живые* члены живаго тѣла Церкви. Какая дивная художественная картина наблюдается со стороны и какой высоты внутренній подъемъ духа ощущается самими участниками общецерковнаго моленія, когда вся приходская община объединяется въ одномъ молитвенномъ порывѣ чувствъ благодаренія или прошенія! Какую чудодѣйственную силу имѣетъ такое общецерковное моленіе когда весь приходъ или село дѣйствительно *единѣмъ сердцемъ и единѣми усты славитъ и воспѣваетъ пречестное и великолѣпное* имя Отца и Сына и Св. Духа! И неудивительно; въ этомъ случаѣ вся приходская община составляетъ одинъ благогласный, duходвижимый органъ, отъ котораго льется на высоту стройная пѣснь во славу Тріединаго Божества, и звуки ея проходятъ небеса и сливаются съ хвалебными пѣснями ликовъ ангельскихъ, неумолкающими во вѣки вѣковъ. Безъ трепета сердечнаго невозможно присутствовать при этомъ возвышенномъ и отрадномъ духовномъ зрѣлищѣ, и тотъ пастырь, который не переживалъ этого чувства, не переживалъ, по нашему мнѣнію, самыхъ сладостныхъ и утѣшительныхъ минутъ пастырской жизни.

Но такой подъемъ общецерковнаго сознанія и чувства органической связи со всѣми въ народѣ бываетъ почти только при общей нуждѣ или бѣдѣ матеріальнаго характера, напр., во время лѣтней засухи, продолжительнаго ненастья, эпидимической болѣзни и проч., да и то лишь на время Божія посѣщенія. Къ сожалѣнію, мы еще не доросли до *непрерывнаго* сознанія своей солидарности между собою, до *постоянной* сплоченности, такъ чтобы всегда одинъ человѣкъ сознавалъ и чувствовалъ, какъ всѣ, и всѣ какъ одинъ. Дождь прошелъ, небо очистилось, явная бѣда миновала, и мы опять заключаемся каждый въ свою скорлупу и начинаемъ жить только личной обособленной жизнію. Что же касается бѣдъ или несчастій высшаго, духовнаго характера, какъ напр. тяжкій грѣхъ или преступленіе кого-либо изъ членовъ приходской общины уклоненіе отъ общенія съ Церковью, совращеніе въ расколъ или сектанство, то всѣ эти великія несчастія почти никогда не вызываютъ подъема общецерковнаго сознанія въ народѣ и вообще проходятъ какъ-то безслѣдно въ обыденномъ теченіи церковно-приходской жизни. Такое одностороннее пониманіе приходомъ своихъ интересовъ и нуждъ свидѣтельствуетъ о недостаткѣ яснаго сознанія общей приходской солидарности въ дѣлѣ спасенія каждой христіанской души, а не только въ общей бѣдѣ и опасности.

Между тѣмъ миссіонеры на 3-мъ Всероссійскомъ Миссіонерскомъ Съѣздѣ въ Казани, „глубоко сознавая, что всѣ мѣры духовнаго и гражданскаго воздѣйствія на совѣсть и души отпадшихъ условны въ своемъ вліяніи и малодѣйственны безъ помощи Божіей, что вѣра *спасающая* дается человѣку *не отъ слышанія*, а отъ Бога милующаго и призывающаго —признали благоплоднымъ для міссіонерства усиленіе общецерковнаго моленія при введеніи особыхъ прошеній и молитвъ о вразумленіи заблудшихъ". Въ виду сего на пастыряхъ Церкви лежитъ особенный долгъ—практическимъ путемъ пріучать прихожанъ къ общей приходской солидарности и въ явленіяхъ нравственнаго духовнаго характера, къ каковой они привыкли въ явленіяхъ, касающихся ихъ матеріальнаго благосостоянія. Достаточно разъ-другой, третій созвать приходъ въ храмъ на общую молитву—по поводу ли уклоненія кого-либо отъ Церкви или возвращенія въ ея лоно, предварительно, конечно, разъ-

*) Миссіон. Обозр. 1898 г., 1, стр. 4.

яснивши, о чемъ надо молиться и почему нужна *общая* молитва,—для того, чтобы въ душѣ каждаго прихожанина зародилось чувство общей духовной связи и солидарности со всѣми. Тогда именно то, что служило внѣшнимъ средствомъ воспитанія прихода, содѣлается постепенно внутреннею движущею силою, потребностью его сознательной жизни. Тогда весь приходъ по всякому поводу нравственнаго характера радостному или печальному, самъ будетъ спѣшить, безъ особеннаго зова, въ церковь вознести вмѣстѣ съ пастыремъ свою общую горячую молитву. И если церковная община *можетъ* упросить Господа о прекращеніи засухи или смертоносной болѣзни то она въ *силахъ* испросить у Него и смягченіе сердца отпавшихъ членовъ общины и возвращенія ихъ въ лоно родной Церкви.

Пастыри церкви! принося св. Дары Господу Богу „о всѣхъ и за вся", вы молитесь надъ ними: *утоли раздоры Церквей, угаси шатанія языческая, еретическая возстанія скоро разори силою Св. Твоего Духа, всѣхъ насъ пріими въ царство Твое!* Призывайте же чаще и своихъ пасомыхъ единомысленно и единогласно соединять усердныя молитвы съ вашими о вразумленіи заблудшихъ, дабы Отецъ Небесный Самъ привлекъ ихъ въ истинное познаніе ученія Единороднаго Сына Его, и Духомъ Своимъ Святымъ, Духомъ истины, наставилъ ихъ на всякую истину! *Никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его,*—сказалъ Самъ Господь (Іоан. VI, 44). Такъ никто не можетъ и изъ заблуждающихся въ вѣрѣ обратиться къ свѣту истины, если не озаритъ его лучъ небесной благодати. Истинная вѣра есть даръ Божій (1 Кор. XII, 3, 9). Поэтому-то Православная Церковь въ числѣ первыхъ своихъ молитвъ къ Господу возноситъ молитву о соединеніи Церквей. Не забываетъ она отпадшихъ отъ св. вѣры, какъ мы видимъ изъ приведенной тайной молитвы пастыря даже въ святѣйшія минуты совершенія таинствъ Евхаристіи. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Глава Церкви, какъ въ продолженіе всего Своего общественнаго служенія желалъ, такъ въ особенности предъ страданіями Своими съ воплемъ крѣпкимъ молился Отцу Небесному: *да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будетъ* (Іоанн. XVII, 21). Неислѣдимы судьбы Божіи... Владыка міра и Церкви, конечно, всему *установилъ предъучиненныя времена и предѣлы* (Дѣян. XVII, 26); но какъ не пламенѣть каждому истинно-христіанскому сердцу святымъ желаніемъ, чтобы всѣ христіанскіе народы составили единое семейство Отца Небеснаго, и хотя на разныхъ языкахъ, но единымъ сердцемъ возглашали Ему: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ!*

Но молясь *единѣмъ сердцемъ и единѣми усты* съ пасомыми о вразумленіи заблудшихъ, пастыри должны „внимать себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святый поставилъ ихъ блюстителями"; не служитъ ли иногда какъ ихъ собственная жизнь, такъ и жизнь ихъ пасомыхъ камнемъ претыканія и соблазна для заблудшихъ? О, да не будетъ этого! Они, несомнѣнно, смотрятъ на насъ, слѣдятъ за нами. Покажемъ же имъ нашу *вѣру отъ дѣлъ* (Іак. XI, 18); *отложимъ дѣла темная* и *облечемся въ оружіе свѣта* (Рим. XIII, 12). Добродѣтельная жизнь наша болѣе всего привлечетъ и благоволеніе Божіе къ нашимъ молитвамъ о заблудшихъ и уваженіе съ ихъ стороны къ чистотѣ нашей Церкви. Многіе ли изъ нихъ имѣютъ возможность путемъ умственныхъ или историческихъ соображеній убѣдиться въ истинѣ нашего ученія? Но жизнь наша можетъ быть ясна и понятна для всѣхъ нихъ. И тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, по невѣдѣнію или упорству, жизнію нашею безъ словъ могутъ быть пріобрѣтаемы въ нѣдра св. Церкви (1 Петр. 3, 1). Жизнь святая имѣетъ *неотразимую* силу убѣжденія для людей всякой вѣры, даже всякой нравственности. „Истинно великъ и славенъ Богъ", говорили нѣкогда невѣдующіе Бога христіанскаго, „если вѣрные Его предстоятъ предъ Нимъ съ такою любовію и благовѣніемъ". Итакъ, будемъ жить *якоже чада свѣта* (Еф. V, 9), *ни едино ни въ чемъ же дающе претыканіе* (2 Кор. VI, 3), и чрезъ это посильно содѣйствовать исполненію молитвы Господней: *да вси едино будутъ, яко же Ты Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ!*

Конечно, царство Христово *нѣсть отъ міра сего* (Іоан. XVIII, 36); но и оно, подобно земнымъ царствамъ, пріобрѣтаетъ внутреннюю силу, а вмѣстѣ съ тѣмъ могущественное вліяніе на другія общества отъ единодушія своихъ членовъ. Кротость, искреннее доброжелательство, нелицемѣрная любовь—вотъ чувства, которыми должны руководствоваться въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ всѣ сыны Православной Церкви, принадлежащіе къ различнымъ племенамъ и языкамъ. Дадимъ мѣсто этимъ чувствамъ въ насъ самихъ, и мы будемъ сильны внутреннею силою и и мощны предъ очами взирающихъ на насъ всякаго рода заблудшихъ. Кто изъ нихъ не скажетъ тогда о насъ, что мы истинные послѣдователи Христа не только по чистотѣ вѣры и добрымъ дѣламъ, но и по той крѣпкой взаимной любви, которая скрѣпляетъ всѣ части нешей Церкви въ единное, одушевленное, живое тѣло Христово? Наша взаимная любовь объемлющая собою всѣхъ *вѣрныхъ,* можетъ вдохнуть и въ *невѣрныхъ* искреннее желаніе принадлежать къ нашей Церкви, гдѣ вѣетъ духъ Христовъ, духъ

мира и любви,—и исполнится тогда молитва Господня: *да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ*!

Вотъ при какихъ условіяхъ имѣютъ силу общецерковныя моленія, особенно предлагаемыя о заблудшихъ, и вотъ почему послѣднія моленія мы считаемъ особеннымъ долгомъ пастырей въ настоящее время.

Мѳ. С.

Нынѣшнее требованіе отъ пастырей церкви.

Въ настоящее время не мало есть людей, которые стараются подорвать вѣру во Христа не только устнымъ, но и письменнымъ путемъ. Въ виду этого пастырямъ Церкви надлежало бы быть особенно бдительными и выяснить надлежащимъ образомъ пагубность ученій такихъ людей. Какъ не чувствовать всей пагубности такихъ ученій, отъ дѣйствія которыхъ, какъ послѣ дурно проведенной ночи, отходятъ съ растроенною мыслію, съ зараженнымъ сердцемъ, съ очерненнымъ воображеніемъ, съ ненавистію ко всѣмъ и къ самимъ себѣ, отходятъ невѣрующими въ небо, человѣка, въ жизнь,—безъ началъ, безъ правилъ, безъ убѣжденій... Нѣтъ сомнѣнія, что развратители умовъ людскихъ суть враги христіанства и своихъ ближнихъ: они не стараются врачевать язвы людей, но отнимаютъ у человѣка, подъ предлогомъ будто бы доброжелательства всякій родъ вѣры въ жизнь, въ другихъ людей, въ самого себя, не предлагая ему вѣры лучшей взамѣнъ той, которую отнимаютъ, и все это они дѣлаютъ въ угоду своему самолюбію и на пагубу дней нашихъ.

Что же дѣлать?—спросятъ. Необходимо волей-неволей вступить въ брань съ врагами вѣры и человѣчества. Правду сказать, мы живемъ на землѣ подъ сѣнію Церкви воинствующей: мы находимся среди брани и разнаго рода опасностей. Мало того, что каждый изъ насъ долженъ бороться съ постоянными врагами и препятствіями спасенія, какія кроются и въ насъ, и около насъ, и въ мірѣ враждебныхъ намъ духовъ,—мы всѣ обязаны, по мѣрѣ возможности; принять еще участіе въ новой брани, которая теперь тревожитъ міръ,—въ борьбѣ христіанства съ утонченнымъ язычествомъ (матеріализмъ), которое своими чувственными идеями старается уничтожить въ насъ все то, чѣмъ живетъ и усовершается духовная жизнь человѣка. Но кто-жъ будетъ вождемъ въ нашей духовной брани? На этотъ вопросъ всякій отвѣтитъ, что обязанность эта лежитъ на пастыряхъ Церкви: они призваны стать впереди всѣхъ, они должны быть вождями и въ этой брани.

Нѣтъ нужды много распространяться о томъ, за что пастыри должны сражаться и что въ опасности —это очевидно всякому,—въ опасности христіанскія истины и христіанскія начала и правила: матеріализмъ старается отвергнуть все божественное и духовное и тѣ высочайшіе предметы, о которыхъ говоритъ намъ слово Божіе.

По его ученію, у насъ нѣтъ самостоятельной дѣятельности, нѣтъ нравственной свободы, а потому наше назначеніе должно ограничиваться земнымъ и временнымъ, а не простираться за предѣлы видимаго міра. Нѣтъ сомнѣнія, что еще много вѣры въ мірѣ, что много людей, которые крѣпко держатся спасительнаго ученія Христова: но справедливо и то, что вѣра съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ, и въ нѣдрахъ самаго христіанства является невѣріе. Люди высшаго общества почти совсѣмъ оставляютъ обычай посѣщать храмъ Божій, а если и ходятъ въ церковь, то только для одного приличія. Наше юношество съ жадностью гоняется за современными идеалами и поставляетъ за честь высказать что-либо противъ истинныхъ христіанъ. Простой народъ безмолствуетъ, слыша новыя мнѣнія, и, не имѣя возможности обсудить ихъ надлежащимъ образомъ, колеблется, недоумѣваетъ, но невѣріе проникаетъ въ душу и простого человѣка и обнаруживается, наконецъ, безпечностію къ спасенію.

Какъ же долженъ въ такомъ случаѣ поступать пастырь Церкви? Нѣтъ другого средства, кромѣ борьбы, которую обязаны предначать пастыри, такъ какъ на нихъ возложена обязанность хранить и защищать ввѣренное имъ стадо. Правила, коими они должны руководствоваться, ясно указаны Самимъ Пастыреначальникомъ Іисусомъ. Онъ, пришедши на землю, нашелъ міръ исполненнымъ заблужденій и нечестія. Видя такое состояніе міра, Онъ началъ учить и училъ постоянно и вездѣ; и въ храмѣ и на улицахъ, и на горахъ и въ долинахъ, и днемъ и ночью. Такимъ образомъ долженъ поступать и всякій христіанскій пастырь; онъ долженъ учить вездѣ, гдѣ представится случай,—учить не только въ церкви, но и внѣ ея, и въ каждомъ частномъ домѣ. „*Идите въ весь міръ*, сказалъ Спаситель, *и проповѣдите евангеліе всей твари. Настой благовременно и безвременно*, учитъ Апостолъ языковъ, *обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (Тим. IV, 2); слѣдовательно, срамъ и стыдъ тому пастырю, который въ храмѣ проповѣдуетъ, а внѣ храма безмолствуетъ, или же еще того хуже— въ храмѣ говоритъ одно, а внѣ храма другое.

Но для того, чтобы имѣть возможность постоянно учить, пастырь долженъ быть совершенно про-

никнутъ ученіемъ и правилами вѣры, т. е. долженъ быть не только истинно вѣрующимъ, но и ученымъ. Если ему необходима живая вѣра, то ему необходимо и знаніе, и при томъ знаніе, глубокое и всестороннее,—въ противномъ случаѣ онъ не будетъ имѣть возможности представить истину ясно и поставить ее выше всѣхъ мнѣній міра. Извѣстно, что и Апостолы всегда дѣлали пастырями людей старѣйшихъ и опытнѣйшихъ и заповѣдали своимъ ученикамъ избирать въ епископы людей просвѣщенныхъ (1 Тим. III, 25). Особенно этого требуетъ настоящее время: теперь жизнь Церкви до такой степени раскрылась на пути историческомъ, что пастырь безъ основательнаго образованія не способенъ надлежащимъ образомъ исполнять своей обязанности. Если онъ хочетъ имѣть вліяніе на свою паству, на всѣ разные классы ея, то необходимо долженъ стоять по меньшей мѣрѣ на такой степени образованія, на которой стоятъ образованнѣйшіе изъ его паствы.

Кромѣ того, что составляетъ общій интересъ въ области человѣческаго знанія, что интересуетъ всякаго образованнаго, то не должно быть чуждо и духовному пастырю. Самое даже богословіе, если оно не хочетъ превратиться въ схоластику, если не хочетъ быть лишеннымъ вліянія на жизнь, должно слѣдить за успѣхами философіи, естествознанія, даже искусствъ; словомъ, богословъ долженъ имѣть ясное и вѣрное знаніе о тѣхъ явленіяхъ, которыя происходятъ въ мірѣ христіанскомъ и не христіанскомъ, въ царствѣ духа и природы.

А для этого пастырь Церкви непремѣнно долженъ пополнять свое образованіе черезъ чтеніе книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и журналовъ духовныхъ, недостатка въ которыхъ въ настоящее время не можетъ быть, лишь бы была охота пріобрѣтать таковые и читать. Но, къ сожалѣнію, у большинства изъ пастырей Церкви нѣтъ любви къ чтенію книгъ духовнаго содержанія, а равно и къ выпискѣ духовныхъ журналовъ, на что жалуются и редакціи разныхъ духовныхъ изданій и болѣютъ душою на такое несочувствіе. А пора бы задуматься пастырямъ Церкви надъ такимъ ненормальнымъ явленіемъ и приняться съ большею любовію за пополненіе своего образованія, и большую часть времени посвящать этому дѣлу, а не занятіямъ хозяйственнымъ, житейскимъ. Кому же больше и помнить, какъ не пастырямъ Церкви Христовой, такъ часто возглашаемое ими ученіе евангелія, что „вся сія приложатся“, подъ условіемъ предварительнаго исканія царствія Божія и правды его? Наши библіотеки церковныя очень бѣдны книгами, и въ этомъ отчасти виноваты сами священники: они обо всемъ заботятся, а что касается того, чтобы имѣть порядочную библіотеку церковную и домашнюю, они считаютъ это какъ бы лишнимъ, не нужнымъ для себя; не зная того, что это составляетъ первостепенную важность въ жизни пастыря Церкви и его богатство, безъ котораго, дѣйствительно, онъ бѣденъ, достоинъ сожалѣнія, такъ какъ не въ силахъ будетъ вести брань съ врагами Церкви и врагами ея ученія.

Мало сего, пастырь долженъ позаботиться излагать истины христіанскія въ такой формѣ, какая болѣе всего сотвѣтствуетъ нашему времени и нашимъ слушателямъ. Это не значитъ, что церковный учитель долженъ соображаться во всѣхъ отношеніяхъ съ духомъ времени и истину христіанскую всегда представлять совпадающею съ интересами житейскими. Содержаніе христіанскихъ истинъ пусть остается неприкосновеннымъ! Христосъ долженъ владычествовать, а не духъ времени. Но что касается формы, въ которой предлагаются христіанскія истины, что касается ихъ развитія и разъясненія то въ этомъ отношеніи небезполезно соображаться съ условіями времени и мѣста, потому что можетъ случиться, что если пастырь будетъ говорить слишкомъ просто и безыскусственно, то его не станутъ слушать, какъ и наоборотъ.

Но и одного умѣнія приспособительно учить мало для пастыря Церкви! Слово Божіе сравниваетъ его съ городомъ, стоящимъ на верху горы, на который какъ бы не вольно обращены глаза всѣхъ. Это показываетъ, что пастырь-учитель долженъ еще служить примѣромъ добродѣтельной жизни и благочестія. И дѣйствительно, всякій вправѣ искать въ пастырѣ образецъ христіанской нравственности, смотрѣть на него и въ частной жизни, какъ на лицо общественное. Итакъ, если пастырь не сознаетъ важности своего пожеланія, если онъ не думаетъ исполнить того, чего ждутъ отъ него другіе, въ такомъ случаѣ его поведеніе доставляетъ сугубый вредъ пасомымъ: оно располагаетъ ихъ думать, что подобное поведеніе естественно и простительно.

Бросимъ чрезмѣрныя заботы житейскія и удѣлимъ больше времени на чтеніе слова Божія, твореній святыхъ отцовъ и вообще писаній пастырей и учителей православной Церкви, а также на чтеніе всего, что содержится въ здоровыхъ свѣтскихъ, и сдѣлаемся *сильни* и другихъ *утѣшати во здравѣмъ ученіи, и противящіяся обличати* (Тит. 1, 9).

(„Под. Еп. Вѣд.“.

Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени.

Основой для опредѣленія границъ Бѣлорусской области у насъ исключительно служитъ языкъ; вслѣд-

ствіе этого, наприм., тѣ литовцы виленской губерніи, которые въ настоящее время говорятъ только по-бѣлорусски, у насъ отнесены къ бѣлоруссамъ, а тѣ обитатели калужскаго и орловскаго Полѣсья, которые говорятъ по-южновеликорусски, отнесены къ южновеликоруссамъ, хотя предки ихъ, несомнѣнно, были бѣлоруссы. Такимъ образомъ, очерченная ниже область скорѣе принадлежитъ бѣлорусскому нарѣчію, нежели племени.

Границы области, въ которой раздается бѣлорусская рѣчь, легче всего опредѣляются на западѣ, такъ какъ здѣсь сосѣдями бѣлоруссовъ оказываются нерусскія племена, сначала даже и неславянскія.

Самымъ сѣвернымъ пунктомъ, до котораго достигаютъ бѣлоруссы на западѣ, является, примѣрно, станція Корсовка с.-петербургско-варшавской желѣзн. дор. (56,8° сѣверной широты. Ср. этнограф. карту Европейской Россіи, Риттиха, и его же карту западныхъ и южныхъ славянъ) въ люцинскомъ уѣздѣ, витебской губерніи. Отсюда граница бѣлорусскихъ поселеній направляется сначала къ юго-востоку и идетъ, верстахъ въ 10—5 недостигая себежскаго уѣзда. Дойдя до р. Синюхи, она рѣзко поворачиваетъ на западъ, а отъ озера Черза—даже на сѣверозападъ; затѣмъ дугообразно направляется почти до границы рѣжицкаго уѣзда, а отсюда ломанной линіей она снова поворачиваетъ къ юговостоку до границы люцинскаго уѣзда съ себежскимъ и дриссенскимъ. Насколько можно судить по картѣ № 1 а въ атласѣ Биленштейна (Atlas der Ethnologischen Geographie des heutigen und des praehistorischen Lettenlandes. St. Petersb. 1892), въ указанныхъ мѣстахъ люцинскаго уѣзда бѣлоруссы живутъ въ перемежку съ латышами, но преобладаютъ первые. Затѣмъ граница бѣлорусскаго нарѣчія идетъ къ югозападу, примѣрно по линіи, раздѣляющей уѣзды люцинскій, рѣжицкій и двинскій отъ дриссенскаго, по направленію къ Друѣ; далѣе на западъ по правому берегу Западной Двины до самаго Двинска; здѣсь къ югу отъ Двины у Биленштейна указано лишь незначительное пространство, заселенное латышами; весь же остальной юговосточный отрѣзокъ иллукстскаго уѣзда курляндской губерніи заселенъ бѣлоруссами.—На всемъ указанномъ протяженіи сосѣдями бѣлоруссовъ сначала съ запада, а затѣмъ и съ сѣвера являются латыши, въ курляндской губерніи переходящіе даже, какъ мы видѣли, Западную Двину.

Отъ Двинска граница бѣлорусскаго нарѣчія идетъ сначала по курляндской губерніи *), а затѣмъ по ковенской направляется къ югу, къ оз. Дрисвяты, захватывая часть новоалександровскаго уѣзда (мнѣ извѣстны записи изъ с. Дукштъ, м. Слободки, с. Плюсъ, д. Павловщины). Отъ оз. Дрисвятъ граница бѣлоруссовъ идетъ къ виленской губерніи; здѣсь сначала пограничная черта виленской и ковенской губерніи будетъ и границей бѣлоруссовъ; затѣмъ отъ р. Дисны граница бѣлорусскаго нарѣчія идетъ по свенцянскому уѣзду нѣсколько ломанной линіей на югъ и западъ около литовскихъ волостей Тверечь, Годуцишекъ (на востокъ отъ нихъ), Свенцянъ (къ югу отъ нихъ), оставляя къ югу бѣлорусскія волости Комай, Лынтупы, Кемелишки; затѣмъ, перейдя р. Жемайтянку, граница кривой линіей идетъ по виленскому уѣзду на западъ почти до Кернова, оставляя къ сѣверу литовскія волости—Янишки, Гедройцы, Ширвинты, Мусники, и къ югу бѣлорусскія волости —Нѣменчинъ, Подберезье, Корву, Мейшаголу. У Кернова бѣлорусская граница переходитъ на лѣвый берегъ р. Виліи и идетъ въ южномъ направленіи, захватывая въ бѣлорусскую область волость Евье, Троки, Межирѣчье, почти до ст. Рудишки пет.-варш. ж. д., а затѣмъ на востокъ и юговостокъ, примѣрно къ ст. Порудоминъ полѣсск. ж. д., а отсюда по границѣ трокскаго и виленскаго уѣзда почти до пограничной черты лидскаго уѣзда, оставляя къ сѣверу бѣлорусскую волость Солечники; далѣе она идетъ по границѣ ошмянскаго и лидскаго уѣздовъ къ югу до поворота этой границы на востокъ (это по 20-верстной картѣ Ильина), а по другимъ свѣдѣніямъ—это будетъ уже ошмянскій уѣздъ, причемъ литовская область съ запада захватываетъ Бинякони, Конвалишки, Девенишки, Германишки (волость Седлиско), имѣя на сѣверѣ, какъ уже отмѣчено, бѣлорусскую волость Б. Солечники, а съ юга—Герановы. Далѣе граница идетъ по сѣверной части лидскаго уѣзда: отъ Герановъ къ югозападу почти до ст. Бастунъ полѣсск. ж. д.; отсюда граница идетъ на западъ, оставляя къ сѣверу литовскую волость Радунь; затѣмъ граница рѣзко поворачиваетъ на сѣверовостокъ, захватывая Мачу и Ейшишки, въ бѣлорусскую область. Отъ Ейшишекъ граница идетъ на югозападъ къ трокскому уѣзду, далѣе къ пограничной чертѣ гродненской губерніи до впаденія рѣчки Ротничанки у Друскеникъ въ р. Нѣманъ.

Настоящая граница бѣлоруссовъ въ виленской губерніи установлена по статьѣ Анонима: „Obszar

*) По „Географическо-статистическому словарю Россійской Имперіи“ П. Семенова, т. II (СПБ. 1865), 860 стр., въ Курляндіи бѣлоруссовъ 700 чел.; теперь, почти черезъ 40 лѣтъ количество ихъ, несомнѣнно, значительно увеличилось. Въ „Матеріалахъ“ покойнаго П. В. Шейна (т. 1, ч. 1) есть даже записи изъ данной мѣстности „въ окрестн. м. Улукштъ“ (стр. 513); въ указателѣ (стр. XXII) это мѣсто названо: „окр. Охукшты“. Ни того ни другого мѣста на картѣ я не нашелъ.

języka litewskiego w gub. Wilenskiej“ (Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem komisyi antropologicznej akademii umiejentnosci w Krakowie. T. III, 1898), составленной по матеріаламъ, собраннымъ въ виленской губерніи сельскими старшинами по распоряженію предводителя дворянства виленской губерніи гр. Адама Плятера. Въ этихъ матеріалахъ указано, какія волости совершенно не имѣютъ литовскаго населенія и въ какихъ оно смѣшано съ бѣлорусскимъ. Критеріемъ для такого дѣленія служитъ языкъ. Изъ смѣшанныхъ волостей бѣлорусскими я посчиталъ тѣ, гдѣ значительное большинство бѣлоруссовъ; такъ что кое-гдѣ бѣлорусскія поселенія попадаются и въ литовской области и наоборотъ—литовскія въ бѣлорусской.

Въ прежнихъ работахъ, напр., у А. Коревы (Виленская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. С.-Пб. 1861 г.), Киркора (Живописная Россія, III, 13), И. Недешева (Русскій Фил. Вѣстникъ, XII), П. Чубинскаго (Труды этнографическо-статистич. экспедиціи въ западно-русскій край, т. VII, карта) со словъ Нарбута граница виленскихъ бѣлоруссовъ опредѣлялась очень неточно: возлѣ Вильны ихъ совсѣмъ не оказывалось, тогда какъ здѣсь они сидятъ сплошною массой. Уже больше мѣста удѣлено бѣлоруссамъ въ этнографическихъ картахъ Риттиха. Въ картѣ, приложенной къ литовской грамматикѣ Ф. Куршата (Grammatik der Littauischen Sprache, Halle, 1876), бѣлорусская граница отнесена значительно дальше на западъ (къ западу отъ Рудниковъ, возлѣ Ейшишекъ съ востока). Но у Э. Вольтера (Zur kunde der wilnaer litauischen Dialekte. II. Die litauer vou Ośmena. Mitteiungen der litt. liter. Geselschaft, Heft 20), наоборотъ, еще указано много мѣстъ, заселенныхъ литовцами даже къ юго-востоку отъ указанной границы, напр., въ волостяхъ седлиской, девенишской, лугомовичской, юратишской и бакштанской. Очевидно, во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ литовцы живутъ въ перемежку съ бѣлоруссами.

Западными сосѣдями бѣлоруссовъ, какъ можно было видѣть изъ предыдущаго, въ ковенской и виленской губерніяхъ являются уже литовцы. Около Друскениикъ бѣлорусская рѣчь переходитъ въ сувалкскую губернію—сначала въ сейнинскій, а затѣмъ въ августовскій уѣздъ. Въ сувалкской губерніи сосѣдями бѣлоруссовъ съ сѣверозапада и запада уже являются поляки. Разграничивать бѣлоруссовъ и поляковъ значительно труднѣе, такъ какъ бѣлоруссы-католики съ интеллигентнымъ лицомъ здѣсь стараются говорить по-польски; но домашнимъ обиходнымъ языкомъ служитъ чисто-бѣлорусскій, съ нѣкоторымъ лишь запасомъ полонизмовъ въ словарѣ; но въ фонетикѣ полонизмовъ нѣтъ: нельзя слышать носовыхъ ą—ć, формъ неполногласныхъ, въ родѣ głowa, krowa, broda, вмѣсто—голова, корова, борода, шипящаго rz: brzeg вм. берегъ, dz вм. *ж* и с вм. *ч*: miedza вм. межа, noc вм. ночь, ударенія на предпослѣднемъ слогѣ.

По сувалкской губерніи граница бѣлорусскаго племени идетъ отъ р. Нѣмана на Концёво къ Августовскому каналу; затѣмъ по системѣ канала до г. Августова и далѣе по р. Нетѣ до границы съ гродненской губерніей. Отмѣченную границу по сувалкской губ. прошлымъ лѣтомъ мнѣ удалось установить лично. Къ такимъ же выводомъ придемъ и на основаніи книги Э. А. Вольтера: „Списки населенныхъ мѣстъ сувалкской губерніи“. С.-Пб. 1901 г.

И въ гродненской губерніи западными сосѣдями бѣлоруссовъ являются поляки. И здѣсь католики-бѣлоруссы въ своемъ словарѣ имѣютъ много полонизмовъ, такъ что проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ ихъ рѣчь называетъ даже бѣлорусско-польской (сравни его записи въ краковскомъ изданіи: „Zbiór wiadomości do antropologii krajowei“, XIV и XVIII). Такъ же называетъ эти говоры и Н. Федоровскій въ книгѣ: „Lud białoruski na Rusi litewskiej“. T. I. W Krakowie. 1897, XI—XII; у него же указываются и границы этихъ говоровъ.—Съ поляками гродненской губерніи бѣлоруссы граничатъ въ сокольскомъ и бѣлостокскомъ уѣздахъ. Тутъ граница идетъ въ южномъ направленіи на Суховоль, Кнышинъ, Бѣлостокъ, недоходя до послѣдняго верстъ на 10 съ запада; потомъ она идетъ на Суражъ до р. Нарева. За этой рѣкою къ югу уже малоруссы.

Малорусская рѣчь представляетъ много сходства съ бѣлорусскою въ звукахъ, формахъ и словарѣ, такъ что для лицъ, незнакомыхъ научнымъ образомъ съ тѣмъ и другимъ нарѣчіемъ, разграниченіе бѣлоруссовъ и малоруссовъ на первый взглядъ кажется затруднительнымъ. Это затрудненіе увеличивается еще отъ того, что смѣшанные сѣверо-малорусскіе говоры часто знаютъ *дз* вм. *д* мягкаго, *ц* вм. *т* мягкаго, *р* твердое, что́ нѣкоторымъ кажется въ данномъ случаѣ типичной бѣлорусской чертой. Но дѣло въ томъ, что *р* твердое вм. мягкаго спорадически встрѣчается во всѣхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ; остается *дз* и *ц* мягкое вм. *д* и *т* мягкихъ, но и они не типичны, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могутъ быть объясняемы, какъ заимствованія малоруссами у бѣлоруссовъ. Правда, малоруссы очень не любятъ дзекающаго произношенія: въ своихъ насмѣшкахъ надъ бѣлоруссами они подчеркиваютъ именно эту черту: „хыба лыхо озмэ лытвына, щобъ винъ нэ дзекнувъ“.—Единственно вѣрнымъ критеріемъ, по моему мнѣнію, для различенія малоруссовъ отъ бѣлоруссовъ здѣсь служитъ, кромѣ чисто антропологическихъ особенностей, а затѣмъ быта, то или другое произношеніе общерусскихъ *е* и *ц*, а въ связи съ ними и предшествующихъ имъ согласныхъ: у бѣло-

руссовъ эти звуки (или ихъ замѣнители) всегда мягки, вслѣдствіе чего они смягчаютъ предшествующіе имъ согласные, тогда какъ у малоруссовъ эти звуки всегда тверды. Бѣлоруссъ скажетъ—ведзешъ, милы, бици, а малоруссъ—вэдэшъ, мылы, быты. Понятно, что малоруссы не знаютъ и *дз—ц* мягкихъ передъ общерусскими *е—и* и ихъ замѣнителями, но въ смѣшанныхъ говорахъ малоруссы знаютъ *дз* и *ц* мягкіе передъ *е* и *і* изъ общерусскаго *ѣ*, которые у нихъ бываютъ мягкими, напр., дзівуля, дзевчина; возможны *дз—ц* у нихъ еще на концѣ передъ стариннымъ *ь*: ходиць. Еще въ смѣшанныхъ говорахъ слѣдуетъ обращать вниманіе на то, есть ли въ нихъ аканье, т. е. произношеніе, въ родѣ вада, нясу, или нѣтъ: акаютъ только бѣлоруссы. Такимъ образомъ при разграниченіи бѣлоруссовъ и малоруссовъ слѣдуетъ обращать вниманіе на произношеніе общерусскихъ *е* и *и*: бѣлоруссы никогда не произносятъ ихъ твердо, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ (*сэрце*, *уздэчка*, формы на *эй* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ *злэй*). Если при этомъ еще окажется *дз—ц* мягкое и *р* твердое, то говоръ несомнѣнно бѣлорусскій, хотя бы остальныя черты и были малорусскія, наприм. дифтонги *уо* *юо* *іе* и под.

Держась указанныхъ принциповъ, южную границу бѣлоруссовъ проведемъ слѣдующимъ образомъ: рѣкою Наревомъ, по бѣльскому уѣзду гродненской губ. бѣлорусская граница идетъ до Бѣловѣжской пущи, прорѣзываетъ ея сѣверную часть до м. Новый Дворъ волковыскаго уѣзда. Впрочемъ у Шейна (т. II) приводятся записи и изъ болѣе южныхъ мѣстностей (Шереповъ, Буда), но Федеровскій (Lud białoruski, I т., IX, вып.) не считаетъ эти матеріалы бѣлорусскими. Отъ Новаго Двора граница въ юговосточномъ направленіи по р. Ясельдѣ въ пружанскомъ уѣздѣ идетъ почти до Картузъ-Березы; отсюда почти параллельно варшавско-московскому шоссе направляется къ р. Щарѣ, затѣмъ по послѣдней переходитъ въ минскую губернію. Здѣсь отъ р. Щары бѣлорусская граница идетъ въ юговосточномъ направленіи къ м. Лупино (при пересѣченіи полѣсскихъ ж. дорогъ), захватывали въ бѣлорусскую область деревни Хотиничи, Малковичи. Здѣсь, значитъ, мы заходимъ въ сѣверную часть пинскаго уѣзда (ср. Памятную книжку виленскаго генералъ-губернаторства на 1867 годъ, С.-Пб. 1868, стр. 63, ст. Быковскаго). Далѣе, граница спускается къ р. Припяти, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже проникая на правый ея берегъ, особенно клиномъ въ восточной части мозырскаго уѣзда до границы съ волынской губерніей. Припятью граница идетъ по уѣздамъ мозырскому и рѣчицкому и достигаетъ до самаго Днѣпра.

За Днѣпромъ мы уже переходимъ въ область черниговской и могилевской губерній. Вся могилевская губернія населена бѣлоруссами; малорусскій элементъ сказывается лишь въ рѣчи населенія нѣкоторыхъ мѣстъ южной части гомельскаго уѣзда; зато бѣлорусскія особенности сильно замѣтны въ сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губерніи, такъ что граница бѣлорусскихъ говоровъ, переходя за Днѣпръ изъ минской губерніи, должна быть проведена сначала по Днѣпру къ сѣверу приблизительно до с. Радуни, верстъ за 15 до устья р. Сожа. Есть даже свидѣтельства, что бѣлорусскія особенности встрѣчаются въ сѣверной части черниговскаго уѣзда (Русск. Филолог. Вѣстникъ, XI, 118). Отъ Радуни граница идетъ по городнинскому уѣзду на западъ, захватывая Красковское, къ р. Снови; затѣмъ по этой рѣкѣ и по границѣ уѣздовъ новозыбковскаго и сосницкаго, далѣе по новгородъ-сѣверскому уѣзду до р. Десны, оставляя уѣздный городъ къ югу. За Десной бѣлорусскую рѣчь можно отмѣтить въ с. Юриповкѣ; далѣе граница идетъ по Деснѣ до орловской губерніи. Малоруссы „всѣхъ живущихъ къ сѣверу отъ Десны вообще называютъ задесенцами и считаютъ ихъ литвинами, несмотря на то, что въ такъ называемомъ Степкѣ сосницкаго уѣзда преобладаетъ чисто южно-русскій типъ". (Календарь черниговской губ. на 1887 г. (Ср. А. И. Соболевскаго: Опытъ русской діалектологіи, 69 стр., вып.). Если судить по описанію этихъ говоровъ у Чубинскаго (VII, 491), они бѣлорусскіе. Конечно, въ сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губ. (особенно въ городахъ) мѣстами слышится и малорусская рѣчь.

Проф. *Е. Ѳ. Карскій.*

Патріотизмъ въ понятіяхъ русскаго народа.

Между пословицами русскаго народа есть такія, по которымъ можно видѣть, какъ понимался и понимается патріотизмъ простымъ русскимъ народомъ.

Такъ какъ патріотизмъ свойственъ всѣмъ народамъ, то между пословицами, трактующими о любви къ отечеству, можно найти такія, въ которыхъ русскій народъ высказалъ мысль о любви и привязанности къ отечеству вообще. Вотъ, напр., эти пословицы: „Всякому мила своя сторона", „И нищій хвалитъ свое хламовище", „Всякъ куликъ свое болото хвалитъ", „Родныхъ нѣтъ, а по родимой сторонкѣ сердце ноетъ", „Съ родной сторонки и ворона мила", „На чужой сторонушкѣ радъ и своей воронушкѣ", „На чужой сторонѣ и весна не красна" и друг. По мнѣнію народа любовь къ отечеству до такой степени свойственна человѣку, что безъ этого чувства человѣкъ теряетъ свое достоинство и даже становится (въ этомъ отношеніи) ниже животныхъ, которымъ, по

мнѣнію народа, не чуждо это благородное чувство. Пословицы говорятъ: „Своя сторонушка и собакѣ мила“, „И собака свою сторону знаетъ“, „Глупа та птица, которой гнѣздо свое не мило“, „И конь на свою сторону рвется“, „О томъ кукушка и кукуетъ, что своего гнѣзда нѣтъ“, „Кукушка кукуетъ,—по бездомью горюетъ“. Но говоря о любви русскаго человѣка къ Россіи, какъ къ своему отечеству, русскій народъ въ пословицахъ высказалъ ту мысль, что эта любовь русскаго человѣка къ Россіи не только естественна, но и вполнѣ справедлива: русскому человѣку есть что любить въ своемъ отечествѣ. Народный геній въ пословицахъ высказалъ тѣ основанія, на которыхъ зиждется любовь русскаго человѣка къ своему отечеству. Въ послѣднемъ русскій народъ любитъ все хорошее и достойное любви. Прежде всего, сердце русскаго народа къ своему родному привлекаютъ душевныя свойства русскаго человѣка, изъ которыхъ, по народному сознанію, наиболѣе отличительными считаются: доброта русскаго человѣка, прямота его характера, мужество и храбрость русскаго человѣка и его понятливость и переимчивость. „Русскій человѣкъ—добрый человѣкъ“, говоритъ пословица народная о добротѣ русскаго человѣка. Это душевное свойство особенно цѣнно въ глазахъ народа потому, что оно выражается не въ словахъ только, но на дѣлѣ. Русскій человѣкъ всегда готовъ помочь своему соотечественнику такъ, что „на Руси никто съ голоду не умиралъ“. О прямотѣ характера русскаго человѣка свидѣтельствуютъ очень часто употребляемыя въ простомъ народѣ выраженія: „Я тебѣ скажу прямо, по-русски,“ Я тебѣ по-русски отрѣжу, напрямикъ.“ Мужество и храбрость русскаго человѣка, его понятливость и переимчивость русскій народъ высказалъ въ слѣдующихъ пословицахъ: „Русскій—молодецъ: стѣ (сотнѣ) бусурманамъ конецъ“, „Русскій ни съ мечемъ, ни съ колачомъ не шутитъ,“ „Нѣмецъ своимъ разумомъ доходитъ (изобрѣтаетъ), а русскій глазами“ (т. е. перенимаетъ), „Бей русскаго,—часы сдѣлаетъ,“ „Русскій что увидитъ, то и сдѣлаетъ.“

Кромѣ душевныхъ свойствъ русскаго человѣка сердце русскаго народа въ своемъ отечествѣ привлекаютъ къ себѣ русская православная вѣра и русскій Царь. Пословица говоритъ: „Русскимъ Богомъ, да русскимъ Царемъ святорусская земля стоитъ.“ Особенно много пословицъ народныхъ, въ которыхъ изображается значеніе для Россіи православнаго Царя. Россія—немыслима безъ Царя. Какъ на небѣ царствуетъ одинъ Богъ, такъ и въ государствѣ долженъ быть одинъ самодержавный Государь. „Что Богъ на небѣ, то Царь на землѣ,“ „Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ Государя земля не правится,“ „Нельзя быть русской землѣ безъ Государя,“ „Нельзя землѣ безъ Царя стоять,“ „Безъ Государя земля—вдова,“ „Земля безъ Государя, что тѣло безъ души,“ говорятъ народныя пословицы. Народъ потому такъ высоко ставитъ Царя, что видитъ въ немъ избранника, которому Богъ удѣлилъ часть Своей власти надъ народомъ. „Душой Божіи, а тѣломъ Государевы“, „Царь—отъ Бога поставленъ.“

Будучи представителемъ Бога на землѣ, Государь русскій въ своихъ отношеніяхъ къ подданнымъ воплощаетъ и Божескія свойства: благость и милосердіе. „Богатъ Богъ милостью, а Государь—жалостью,“ говоритъ пословица. Русскій народъ до того увѣренъ въ милосердіи и любви Государя къ своимъ подданнымъ, что все непріятное для себя въ распоряженіяхъ высшей власти онъ приписываетъ окружающимъ Государя, ближайшимъ исполнителямъ его воли, которые, по мнѣнію народа, нерѣдко препятствуютъ Государю прямо и непосредственно видѣть нужды народа, и тѣмъ причиняютъ народу не мало вреда. Эти ближайшіе исполнители государевой воли, по выраженію пословицы: „Царю застятъ, народъ напастятъ.“ „Царю изъ за тына (т.-е. постоянно окружающихъ его людей) не видать,“ говоритъ другая пословица. Народъ считаетъ Царя отвѣтственнымъ только передъ Богомъ: „Царскій гнѣвъ и милость въ руцѣ Божіей,“ „Одному Богу Государь отвѣтъ держитъ.“ Въ одной пословицѣ русскій народъ говоритъ о себѣ, что онъ царелюбивый „(Русскій народъ царелюбивый“). О чувствахъ русскаго народа къ своему Государю всего лучше свидѣтельствуютъ слѣдующія выраженія, столь обыкновенныя въ устахъ народа: „Царь-батюшка,“ „Надежда—православный Государь“ и т. п.

(Заим. изъ ж. Воск. День).

Мученикъ за православіе въ борьбѣ съ уніей.

Г. Д. Эварницкій въ статьѣ „Гайдамацкое движеніе и уманская рѣзня“ помѣщенной въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, разсказываетъ одно событіе изъ отношеній уніатовъ и католиковъ Польши къ православнымъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Это событіе прекрасно объясняетъ всѣ ужасы гайдамацкой голытьбы.

Въ м. Мліевѣ былъ уніатскій попъ, Василій Гдышицкій, который всячески старался склонить православное населеніе Мліева къ уніи. Но православные не только не склонились къ уніи, а рѣшили скопомъ не допустить Гдышицкаго къ приходской церкви. Собравшись въ церковь, они забрали священническія облаченія, книги и церковные сосуды и все это сложили въ сундукъ, находившійся въ церковной колокольнѣ, и заперли замкомъ. Оставили

только на престолѣ чашу со святыми дарами. Зная въ числѣ своихъ односелянъ одного человѣка, уже не молодого лѣтами, благочестиваго, во всемъ безпорочнаго и искренне преданнаго православію, Данiила Кушнира, жители, съ общаго согласія, приказали ему, какъ старѣйшему человѣку, снять чашу съ престола и унести ее въ сундукъ. Кушниръ, повинуясь волѣ громады, со страхомъ и благоговѣніемъ приступилъ къ престолу Божію и, положивъ передъ нимъ три земныхъ поклона, а также обернувъ руки церковною завѣсой, взялъ чашу съ престола и снесъ въ камору, гдѣ хранились въ сундукѣ другія церковныя вещи. Тогда уніатскій попъ Василій Гдышицкій, разъяренный такимъ поступкомъ, началъ грозить Кушниру смертью и сталъ распространять клевету, будто бы Кушниръ ходилъ съ чашею въ корчму, пилъ ею горилку и вмѣстѣ съ горилкою выпилъ частицы св. даровъ. Кушниръ взятъ былъ подъ арестъ, закованъ въ желѣзо и посаженъ въ Смѣлянскій замокъ. Напрасно односельчане Кушнира пытались освободить его, дѣйствуя и просьбами и деньгами. „Ежели на унію пристанетъ, то отпущенъ будетъ; а ежели нѣтъ, то казненъ будетъ смертью“. Когда Кушниръ узналъ о такомъ отвѣтѣ своихъ враговъ, то онъ не только не пожелалъ самъ приставать на унію, но еще и всему православному народу совѣтовалъ крѣпко и нерушимо держать православную вѣру и просилъ не ходатайствовать за него: „Я готовъ за вѣру православную и умереть, а на унію пристать не хочу“! Послѣ этого скованнаго Кушнира изъ Смѣлянскаго замка отправили подъ м. Ольшану (Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи) въ обозъ начальника польскаго отряда Воронича и тамъ присудили его сжечь живымъ, обвертѣвъ ему руки пенькою и обливъ смолою. Обвинителями старика были отецъ Василія Гдышицкаго, уніатскій протопопъ и его родные сыновья, „чего ни по какимъ правиламъ и законамъ не дѣлается“. Когда настало время казни Кушнира, то къ нему приступилъ одинъ уніатскій попъ съ тѣмъ, чтобы исповѣдывать его. „Я васъ, уніатовъ, отрицаюсь, ученія вашего и исповѣданія слушать не хочу; я уже на то приготовился и св. таинъ пріобщался; а вы дѣлайте надо мною, что хощете“, отвѣтилъ несчастный мученикъ и, проговоривъ самъ слова исповѣданія, отдалъ себя на волю мучителей. Когда его начали жечь, то онъ отъ боли возопилъ: „Господи, Боже мой! Что сіе мнѣ подалъ еси? Воля Твоя святая на мнѣ да будетъ! О, Боже мой, пріими духъ мой“! А потомъ увидя народъ, стоявшій вокругъ, говорилъ ему: „Православные христіане! Не вѣруйте вы уніатамъ, они проклятые и вѣра ихъ проклята“. Когда у несчастнаго обгорѣли руки, то многіе господа, бывшіе при томъ, усомнились въ его винѣ, стали уговаривать Гдышицкаго, чтобы онъ отпустилъ мученика безъ рукъ, потому что съ него и такой муки достаточно. Но безчеловѣчный мучитель, не внимая этимъ словамъ, потребовалъ, чтобы ему отсѣкли голову. Тогда къ мученику подошелъ палачъ и сталъ ему завязывать глаза. „Не бойся, старичокъ! Богъ съ тобою“! сказалъ палачъ. „Я не боюсь, а ты дѣлай то, что тебѣ велятъ“! И тогда палачъ отсѣкъ ему голову, а отсѣкши, настромилъ ее на палю и прибилъ ее къ палѣ большимъ желѣзнымъ гвоздемъ посреди самой головы; пригвоздивъ же голову, подошелъ къ Гдышицкому и отеревъ свои руки о полы одежды Гдышицкаго, потребовалъ отъ него уплаты денегъ: „Заплати мнѣ за работу, что я работалъ“! Гдышицкій, вынувъ изъ кармана нѣсколько монетъ, уплатилъ палачу. Послѣ этого онъ приказалъ тѣло казненнаго сжечь и, когда оно было сожжено, то православные, вырывъ „небольшой ровикъ загребли въ него оставшійся пепелъ и нѣкоторую часть костей“. Это злодѣяніе совершено было въ 1766 г. іюля 29 дня. Не довольствуясь всѣмъ сдѣланнымъ, безбожный уніатъ Василій Гдышицкій явился въ домъ сожженнаго, къ его женѣ, и сталъ домогаться, чтобы она заплатила ему 8 руб. для службы сорокоуста за грѣшную душу убитаго. „Сорокоустъ вашъ за душу страченнаго мужа моего будетъ Господу Богу непріятенъ; а когда безвиннаго его замучили, то уже больше нѣтъ чего вамъ дѣлать; ежели угодно, возьми еще и меня“. Между тѣмъ голова сожженнаго оставалась на палѣ съ конца іюля мѣсяца до послѣднихъ чиселъ сентября; потомъ снята была неизвѣстными православными людьми и перенесена въ Переяславъ, въ переяславскій каѳедральный Свято-Вознесенскій монастырь и погребена въ каѳедральной церкви, за лѣвымъ клиросомъ, передъ кіотомъ Богородицы 84-лѣтнимъ епископомъ Гервасіемъ всѣмъ соборомъ. (Вор. еп. вѣд.).

Сѣнокосъ въ Повѣрьяхъ русской деревни*)

По старинному повѣрью, сложившемуся на Руси не иначе какъ въ черноземной-срединной полосѣ родины народа-пахаря, еще къ Вознесенью всѣ травы поспѣваютъ, цвѣтутъ, полной красою своей красуются: Христа-Спаса съ земли православной въ пресвѣтлый рай провожать готовятся. Въ ночь на праздникъ Вознесенія Господня положено имъ набираться отъ Матери-Сырой-Земли послѣдняго засилья. Вознесется Воскресшій Христосъ въ чертоги небесные,—весеннему цвѣтенью красоваться и двухъ недѣль не останется: съ Троицына дня,—по слову деревенскаго, зоркаго къ жизни природы, опыта,—почнетъ такъ припекать грудь земли солнышко, что

*) „Прав. Вѣстн.“.

и весна-красна лѣту знойному мѣсто свое уступитъ а сама на покой прохлаждаться уйдетъ вплоть до новой Радоницы. „И траву косятъ во-время!"—гласитъ деревенская поговорка, становящаяся поперекъ дороги всѣмъ лежебокамъ, лѣнивымъ работникамъ, большимъ любителямъ откладывать всякое дѣло со дня наденъ, въ недеждѣ, что оно—„не волкъ—въ лѣсъ не убѣжитъ". Самое время косить траву, когда она стоитъ въ полномъ цвѣту: „Упустишь, будешь на боку лежать—и траву въ лугахъ пересушишь!" Не даромъ обмолвился такимъ словцомъ пахарь-косарь. „Перестоялась трава—ни сѣно, ни труха!"—поясняетъ онъ одно изреченіе своеи вѣками слагавшейся словесной мудрости другимъ, примѣняющимся не къ одному сѣнокосу, а и къ дѣвицамъ-красавицамъ, невѣстамъ разборчивымъ-привередливымъ, словно изъ-за синя моря Иванъ-царевича на сѣромъ волкѣ къ себѣ въ женихи пожидающимъ, да какъ и остающимся въ вѣковушахъ свой вѣкъ вѣковать „Косьба-косовица—не звѣрь-лисица, не красная дѣвица, а и той свое время есть!". Да мало-ли и другихъ прибаутокъ можно понаслушаться въ богатой этимъ не боящимся вора богачествомъ народной Руси. Русскому хлѣборобу не хозяйствовать безъ коня - пахаря, не быть сыту коню безъ сѣна (овсомъ-то не больно раскормишься круглый годъ!), не видать сѣна безъ косы острой да безъ сѣнокоса весенняго. А ни одной работѣ не обойтись въ народѣ безъ красныхъ словецъ-прибаутковъ да безъ повѣрій-сказаній наособицу про нее слагавшихся. Больше всего сказалось на Руси про сѣнокосъ по степнымъ мѣстамъ, гдѣ „мужика не одинъ хлѣбецъ-батюшко, а и травка-матушка, кормитъ!".

Погода поставлена въ деревенскомъ быту въ непосредственную связь съ каждой полевой работою Отъ нея зависитъ не только урожай хлѣбовъ, но и сѣна. „На Возвесенье красный день—сѣна хороши будутъ!"—запримѣтили старинные боговѣды, весь свой вѣкъ приглядывавшіеся къ природѣ. Повторяютъ эту примѣту еще и теперь на симбирско-самарскомъ Поволжьѣ. Въ той же округѣ приходилось слышать и такой, относящійся къ „сѣнамъ" прибаутокъ, похожій, однако, и на заговоръ: „Мѣсяцъ май, коню сѣна дай! Троица-Богородица, удержи дожди, красну-солнышку скажи, чтобы сѣно не палило, чтобы частымъ дождичкомъ не сгноило, чтобы лошадушекъ съ голоду не поморило!" Этими словами и имъ подобными встрѣчали всего какихъ-нибудь лѣтъ двадцать тому назадъ (а, можетъ быть, еще и въ настоящее время встрѣчаютъ) старухи домовитыя, о достаткѣ семьи радѣющія, ясную зорьку Троицына дня во многихъ селахъ лугового берега царицы рѣкъ русскихъ. Передавалось и такое повѣріе, что—если отъ обѣдни на Троицынъ дтнь захватить изъ храма Божія пучекъ травы, раскиданной передъ алтаремъ, да взять этотъ пучекъ съ собою на сѣнокосъ, то обережешь себя отъ всякой бѣды и во время покосишься, и сѣно дождемъ не сгноишь, и даже ни одинъ воръ къ твоему стогу не приступится, если подъ-исподъ положить освященную траву.

Въ Симбирскомъ уѣздѣ, не особенно богатомъ сѣнокосными угодьями, съ давнихъ поръ соблюдался заведенный дѣдами, прадѣдами обычай—прямо отъ обѣдни на Троицу-Пятидесятницу идти мужикамъ всею деревней „луга дѣлить". По большей части заправлять дѣлежомъ выбирался какой-нибудь уважаемый односельчанами старикъ, если не сельскій староста. Благословясь, принимался онъ—гдѣ на глазомѣръ, а гдѣ и съ помощью деревянной „сажонки"—разбивать лугъ на-дѣлянки. Величина послѣднихъ иногда измѣнялась, смотря по качеству травы. Дѣлянки нарѣзаны—половина дѣла сдѣлана. Начинали метать жеребій, чтобы никому не обидно, да и не повадно было клепать на дѣлильщика, что слишкомъ-де порадѣлъ куму-свату въ ущербъ чужому добру. Конченъ дѣлежъ,—гдѣ нибудь на бережку рѣчки или въ тѣнистой ложбинѣ принимались распивать по такому важному случаю добрую посудинку „мірскаго вина", безъ котораго и до сихъ поръ еще не обходится ни одного общаго дѣла въ деревенскомъ быту Не обходилось порою это распиваніе безъ ссоры, но—„не всякое лыко въ строку ставится". Косьба отлагалась за дѣлежкою еще на сутки, а послѣ Духова дня, еще до солнышка, собиралась уже вся деревня—и мужики и бабы, и парни и дѣвки, и ребята-подростки—на покосъ. Чуть взойдетъ солнышко, еще и росы не успѣетъ хорошенько высушить,—какъ уже валится стройными рядами трава-мурава зеленая подъ молодецкими взмахами косъ, сверкающихъ что твой мечъ булатный. Визжатъ бруски, то здѣсь то тамъ,—косари косы правятъ-точатъ, по всѣмъ лугамъ стальной перезвонъ идетъ. А дѣвки-бабы—сѣно ворошить, граблями работать... Еще и накошено-то наворошено совѣмъ мало, а ужъ—чу!—звенитъ голосистая пѣсня въ лугахъ: сарафанницы-грабильщицы заливаются. Не такъ тяжела ихъ работа не то—что косарю: тотъ такъ то за день деньской намахается, что и рукъ ввечеру не подыметъ. Сѣно въ лугахъ ворошить еще легче, чѣмъ траву въ яровомъ полоть: потому-то хоть и не всегда веселы по своему содержанію пѣсни, что грабильщицами звонкоголосыми распѣваются (веселыхъ не набраться про всякъ часъ въ деревнѣ!), да звучатъ-то онѣ не особенно грустно на этой работѣ привольной подъ знойной лаской солнечныхъ лучей:

„Пойду съ горя въ чисто полѣ;
Въ чистомъ полѣ трава растетъ,
Трава растетъ, сѣна цвѣтутъ,
Сѣна-цвѣты покосу ждутъ.

Пойду съ горя въ чисто поле,—
Сорву цвѣтокъ, сплету вѣнокъ
Милу дружку на головушку:
—Носи, милой, не сранивай!
Люби, милой, не забывай! и т. п.

Всякія пѣсни на покосѣ поются, но не въ примѣръ охотнѣе запѣваются такія, въ которыхъ идетъ рѣчь либо про цвѣты, либо про травушку-муравушку, ковыль-траву, либо про любовь—этотъ цвѣтъ зеленой юности, хорошо знакомый и въ трудовомъ быту крестьянина, а не въ однѣхъ палатахъ бѣлокаменныхъ. Приходилось изрѣдка слышать и пѣсни косарей въ тороватомъ на красное-звонкое слово Поволжьи; но только всѣ эти пѣсни были заунывныя, въ родѣ:

„Охъ, да отчего-то эта бѣлая ковыль-трава,
Она разгоралася?
Ой, загоралася эта бѣлая ковыль-трава,
Она отъ бѣлаго камушка.
Ой, да какъ сидѣлъ на камушкѣ, сидѣлъ младъ-ясенъ-соколъ,
Сидѣлъ, крѣпко призадумался“....

Далѣе, въ этой, записанной въ Самарской губерніи, пѣснѣ разсказывается о томъ, какъ „ясному соколику чуточекъ вздремнулося“ и невѣдомо-незнаемо какъ—„подпалилъ-поджегъ“ онъ свои „сизыя крылышки“. Пришлось ему, горемычному, идти-брести пѣшкомъ по дорогѣ; попались навстрѣчу черные вороны, стали надъ соколомъ смѣяться. „Охъ, да не тебѣ-то-ли было, ясному соколику, ходить пѣшу по дорожкѣ!“—каркаютъ они. И вотъ—расплакался обиженный соколъ, сталъ молить Бога: „Охъ, да ты создай, да ты, Боже, на яснаго сокола да сильнаго дождичку! Охъ, да отростутъ-то у меня яснаго сокола, да сизыя крылышки! Охъ, да тогда-то-ли я вамъ да, черные вороны, отсмѣю эту надсмѣшечку“! Разносказъ этой пѣсни, подслушанный экспедиціей академіи наукъ на Пріуральѣ,кончается нѣсколько опредѣленнѣе: „Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною, отрощу я свои крылья быстрыя, оживлю я я свои ноги скорыя я взовьюся, младъ-ясенъ соколъ выше облака, опущуся въ ваше стадо быстрѣй стрѣлы, перебью васъ черныхъ вороновъ, до единаго!“ Въ обоихъ случаяхъ пѣсня эта звучитъ отголосками той удали, которою славились вольные люди низовыхъ странъ, оставившіе наслѣдіе собирателямъ сокровищъ слова народнаго любопытный во многихъ отношеніяхъ циклъ „разбойничьихъ“ пѣсенъ, а не только одну бѣгущую далеко - далеко недобрую славу.

Простонародное суевѣріе, цѣпляющееся своими корнями за пережитки древняго, еще въ незапамятныя времена позабытаго, язычества, отдаетъ луга-степи подъ власть Степового, а луга-поймы—Водяному, какъ лѣсные покосы Лѣсовику: у каждаго изъ нихъ--свое, отведенное имъ нездѣшними силами, царство. Обо всѣхъ нихъ уже велась рѣчь въ очеркахъ народной Руси на столбцахъ „Правительственнаго Вѣстника“, но было обойдено отношеніе ихъ къ сѣнокосу. А на этотъ особый случай своего хозяйственнаго обихода припасъ народъ-сказатель и особое словцо, болѣе всѣхъ касающееся хозяина степей, воплощаемаго суевѣрнымъ воображеніемъ въ крутящихся пыльныхъ вихряхъ, проносящихся изъ конца въ конецъ степи. Старъ Степовой,—до того старъ, что во многихъ мѣстностяхъ даже и забывать всѣ уже стали про существованіе на бѣломъ свѣтѣ этого властителя вѣтровъ—Стрибожьихъ внуковъ, перенявшаго власть и силу отъ самаго грознаго дѣда буйныхъ стихій. Но и онъ, несмотря на свои преклонные годы, любитъ, чтобы всякій заходящій даже случайно, а не то что съ корыстью—какъ косари, въ его владѣнія оказывалъ ему должный почетъ. По крайней мѣрѣ, разсказываютъ объ этомъ качествѣ стараго знающіе всякое „слово“ люди какихъ недолго искать въ любой деревенской глуши Встарину, по ихъ разсказнямъ, и сѣнокоса нигдѣ по степнымъ мѣстамъ не начинали безъ того чтобы раньше не расположить къ себѣ обидчиваго властителя степей. Для этого, между Вознесеніемъ и Троицей, отправлялись въ степь нѣсколько стариковъ, приглашали съ собою вѣдуна-знахаря и несли бѣлаго пѣтуха-кочета въ видѣ умилостивительной жертвы Знахарь становился гдѣ-нибудь на бугрѣ-курганѣ, произносилъ положенное „слово“ и, зарѣзавъ пѣтуха, брызгалъ еще теплой кровью его на всѣ четыре стороны степнаго простора широкаго. Потомъ пѣтуха оставляли на курганѣ и всѣ уходили ко дворамъ, предварительно отблагодаривъ знахаря по своему додостатку и доброхотному расположенію. Что именно произносилось знахаремъ въ умилостивленіе Степоваго—объ этомъ не сохранилось слѣда въ занесенныхъ на страницы печатныхъ сборниковъ заговоровъ-заклятій. Но мало-мальски знакомому съ демонологіей русскаго народа человѣку не трудно представить въ общихъ чертахъ и „слово“, обращенное къ этой темной по существу силѣ, умѣющей, однако, быть благорасположенной ко всѣмъ своимъ почитателямъ. Хоть и сказала о немъ народная Русь, что этотъ „хозяинъ“ ни сѣна не коситъ, ни пить-ѣсть не проситъ, да сама-же на это оговорку нашла въ своей памяти: „Степовому не поклонишься—и степь за теменъ лѣсъ покажется!“

Въ степи все—во власти этого могущественнаго духа, созданнаго воображеніемъ народа-труженника, все благосостояніе котораго неотразимыми обстоя-

тельствами поставлено въ прямую связь съ природой и ея стихійными силами. „Прогнѣвить Степового, такъ онъ тебѣ все сѣно по степи размечетъ!“,—боязливо озираясь по сторонамъ, говорятъ одни придерживающіеся суевѣрныхъ преданій косари. „Захочетъ такъ и огнемъ всю степь спалитъ!“—идутъ еще дальше ихъ въ своемъ представленіи о могуществѣ стараго другіе. Третьи, соглашаясь и съ первыми, и съ послѣдними, прибавляютъ ко всему этому, что бывали-де и такіе случаи, когда разгнѣванный властитель суевѣрныхъ думъ степняковъ уносилъ въ воронкѣ вихрей не только сѣно, но и цѣлыя стада, и людей, неуспѣвшихъ оградиться отъ него ни заговорнымъ словомъ, ни крестнымъ знаменіемъ, оказывавшимися на этотъ разъ почти равносильными, съ точки зрѣнія народнаго суевѣрія, возбужденнаго распвѣченными воображеніемъ страхами.

Неизвѣстно, сохранился-ли гдѣ-нибудь на Руси обычай приношенія Степовому жертвы въ видѣ пѣтуха, но въ Симбирской губерніи, по сосѣдству съ чувашскими селами, приходилось наблюдать на лѣсныхъ сѣнокосахъ, какъ старухи, не принимавшія никакого иного участія въ работѣ, разбрасывали по кустамъ, окаймлявшимъ поляны, кусочки хлѣба. На вопросъ, зачѣмъ это продѣлывается, не получалось никакого отвѣта—кромѣ: „Не нами заведено, не нами и кончится!“ Быть можетъ и сами старыя исполнительницы еще болѣе старыхъ завѣтовъ не могли дать себѣ отчета въ этомъ. Но несомнѣнно, что эти кусочки были обречены на жертву Лѣсовику, во владѣнія котораго вторгались вооруженные косами люди.

О Водяномъ хозяйствующемъ на поемныхъ сѣнокосахъ, ходятъ въ различныхъ уголкахъ свѣтло-русскаго простора такія разскази, что онъ „подшучиваетъ“ надъ забывающими про его владѣтельныя права косарями довольно-таки невыгодныя для послѣднихъ шутки. „Кого не взлюбитъ,—приходилось слышать о немъ,—такъ ужъ не взлюбитъ: возьметъ все сѣно, что днемъ накосятъ, сгребетъ въ одну копну, да и въ воду. Катится такая копна, какъ шаръ, такъ сама къ рѣкѣ и бѣжитъ. Хорошо, если кто изъ православныхъ увидитъ, да заручаетъ,—разсыпается копна, ляжетъ, какъ лежала, рядами на томъ же лугу, откуда погналъ ее воднякъ... А то —ни травники не соберешь, какъ ни береги. Вотъ онъ какую силу забралъ вокругъ воды-то! Кому-кому, а косарямъ съ нимъ на поймахъ не бороться стать!... Да не велика и корысть у него: пришелъ косить, отломилъ горбушку хлѣба, да бросилъ, благословясь, въ рѣку, и конецъ!...“ Такимъ образомъ, и здѣсь сводится дѣло къ жертвоприношенію, принявшему видъ обычной дани суевѣрному страху предъ безкормицей.

Изобрѣтательность деревенскихъ вѣдуновъ еще совсѣмъ недавно доходила въ нѣкоторыхъ селахъ Симбирской губерніи до того, что они передъ началомъ косьбы, убѣждали заговаривать косы, „отъ всякаго лиха“, но болѣе всего—„отъ бѣса полуденнаго“. Стоитъ не остеречься косарю, не оберечь себя заговоромъ, только однимъ знахарямъ и вѣдомымъ, да покосить въ полдень,—такъ и самъ себѣ ногу косой срѣжетъ вмѣсто травы. „Любитъ онъ, полуденникъ-то, кровь человѣческую видѣть“!—говорилось при этомъ. Находилось не мало народу, что и принимали на вѣру слова промышлявшихъ заговорами знахарей, а тѣ—знай собирали съ темнаго люда посильную дань: хлѣбъ, холстъ, а то и деньгу-копѣйку, такъ дорого стоющую въ деревенскомъ быту. Преданіе о „полуденникахъ“ (и „полудницахъ“), по свидѣтельству А. Н. Аѳанасьева, автора „Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу“, были общи, какъ отмѣчаетъ „Пр. Вѣстн.“, многимъ славянскимъ народамъ. Такъ, напримѣръ, у сербовъ эти духи тьмы представляются способными отправлять водные источники, насылать на людей разныя лихія болѣсти и отнимать разумъ. Богемскія полудницы обитаютъ въ лѣсной чащѣ; у онѣмечившихся балтійскихъ славянъ —въ поляхъ. У насъ, въ Малороссіи, они живутъ по разсказамъ суевѣрнаго люда, въ каждой хатѣ за печкою. Суевѣріе сибиряковъ рисуетъ ихъ обитательницами бань, гдѣ отводитъ имъ мѣсто подъ полкомъ. На архангельскомъ поморьѣ онѣ населяютъ ржаныя поля. „Полудница во-ржи, покажи рубежи куда хошь побѣжи!“—говорится тамъ подъ иной часъ, а отцы-матери стращаютъ ребятъ: „Не ходи въ рожь, полудница обожжетъ!“. Не лишенъ относительнаго значенія вопросъ поселяетъ-ли еще кто-нибудь полудниковъ на покосахъ кромѣ симбирскихъ знахарей: нигдѣ въ этнографической литературѣ объ этомъ не встрѣчается указаній.

Крылатое слово народное обмолвилось о сѣнокосѣ и косаряхъ цѣлымъ рядомъ присловій, пріурочивающихъ понятіе объ этихъ предметахъ къ житейскому обиходу крестьянина. „Безъ бабки косы не отобьешь безъ лопатки („безъ бруска“—по иному разносказу) не наточишь; безъ ума никакого дѣла не справишь!“—гласитъ оно, попадая не въ бровь, а въ глазъ, всѣмъ „сующимся въ воду, не не спросясь броду“. О людяхъ несдержанныхъ на языкъ тоже есть свое красное словцо: „На острую косу не напастись сѣнокосу!“, или—по иному разносказу—„...много сѣнокосу!“ Когда дока на доку попадетъ и на каждое слово свой отвѣтъ получитъ въ каждомъ дѣлѣ встрѣтитъ „загвоздку“, то обыкновенно говорится: „Нашла коса на камень!“. Ревнивый къ работѣ, охочій до дѣла работникъ сплошь-да рядомъ вспоминаетъ о поговоркѣ „Съ косой въ

рукахъ—погоды не ждать!". У такого ни дѣло не затянется, ни трава не пересохнетъ, ни рожь не осыпляется".

Простодушная мудрость народная, нашедшая въ въ загадкахъ излюбленную форму для своего проявленія, высказалось о косѣ въ слѣдующихъ записанныхъ В. И. Далемъ, выраженіяхъ: „Траву хвачу-зубы притупю, песку хвачу—опять навострю!", „Пришелъ тень въ Петровъ день, сѣлъ тень на пень, сталъ тень плакать: волосы вянутъ, дубрава шумитъ!", „Щука ныряетъ—весь лѣсъ валяетъ, горы подымаетъ!", „Ходитъ щучка по заводи, ищетъ щучка тепла гнѣзда, гдѣ бы щучкѣ трава густа?", „Щука понура, хвостомъ вильнула: лѣса пали, горы стали!" и т. д. Вторая изъ приведенныхъ загадокъ сложилась, очевидно, гдѣ-нибудь въ не особенно балуемыхъ солнечнымъ теломъ мѣстахъ, если тамъ сѣнокосъ начинается лишь въ Петровъ день,—когда на среднемъ Поволжьѣ всѣ уже къ этой порѣ и за жнитво принимаются, а если гдѣ и докашиваютъ траву, то по однимъ полевымъ межникамъ—на ночную кромежку коню-пахарю. Зажинки съ косовницею нигдѣ не сходятся, если только, конечно, рѣчь идетъ не о томъ косарѣ, что—по народному слову—„придетъ- -подкоситъ, никого не спроситъ" (смерть) хоти-бы даже въ это самое время о-бокъ съ нимъ зажинала молодая жизнь свою ниву радостей и печалей...

— **Г. Шавли.** Ученики Шавельской гимназіи, подъ руководствомъ своего законоучителя о. Троепольскаго, 22 мая совершили паломничество для поклоненія чудотворной иконѣ Божіей Матери въ Сурдегскій монастырь.

Въ $9^1/_2$ ч. утра поѣздъ подошелъ къ ст. „Сурдеги". Ученики—паломники во главѣ съ своимъ законоучителемъ направились въ монастырь, откуда слышался благовѣстъ къ обѣднѣ. Въ монастырѣ встрѣтили юныхъ паломниковъ съ полнымъ радушіемъ: безвозмездно предоставили для всѣхъ помѣщеніе, чай, обѣдъ, ужинъ. Богослуженіе совершалъ архимандритъ о. Августинъ съ братіей монастыря. Стройно и чинно пѣли ученики—паломники за обѣдней, а затѣмъ за молебномъ у чудотворной иконы Сурдегской Божьей Матери. Молебенъ служилъ законоучитель о. А. Троепольскій.

Послѣ молебна юные паломники испросили благословеніе у отца архимандрита Августина, который сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ назиданія. Каждый изъ учениковъ—паломниковъ пріобрѣлъ въ монастырѣ изображеніе лика Сурдегской Богоматери и брошюры о монастырѣ.

Въ глухой пустынной мѣстности среди иновѣрнаго населенія стоитъ бѣдный, но замѣчательный памятникъ православія на Жмуди—Сурдегскій монастырь. Прошли вѣка, много исчезло на Жмуди русскихъ памятниковъ, а эта святая обитель подъ подровомъ Богоматери уцѣлѣла, являясь въ настоящее время какъ-бы оазисомъ въ глухой пустынѣ.

Дорога и священна должна быть эта святая обитель для всякаго русскаго православнаго человѣка на Жмуди! Неудивительно поэтому, что много пріятнаго свѣтилось въ юныхъ глазахъ учениковъ-паломниковъ предъ иконой чудотворной Сурдегской Богоматери!

Редакторъ Каѳедральный Протоіерей *Іоаннъ Котовичъ.*

Дозволено цензурою 22 іюня 1902 г. Г. Вильна. Тип. Св.-Дух. Прав. Братства, Заречье, домъ Братства.